

Так, византийская и мусульманская цивилизации рассматриваются авторами в отрыве друг от друга. Может быть, этот отрыв послужил причиной того, что основным организующим принципом в периодизации византийской истории оказываются изменения в социально-экономических отношениях (с. 12—14) империи, тогда как периодизация арабо-мусульманской базируется на внутривнутриполитических изменениях. Непонятно и то, почему авторы доводят рассмотрение истории империи лишь до 1204 г., тогда как согласно синхронистической таблице последняя продолжает существовать до 1453 г.

Авторы, достаточно подробно ознакомив читателей с основами вероучения ислама и его толками и сектами, не отметили того факта, что ислам прежде всего монотеистическая религия, ни словом не обмолвились о христианстве и о том общем, что существует между этими религиями. Точно так же ими лишь упомянуты богами и павликиане и никак не раскрыты даже основные направления их учений. При этом ересь павликиан рассматривается отдельно от иконоборческого движения (с. 42). Часто ссылаясь на источники, Моор и Вааде практически ничего не говорят об их авторах. В результате такой важный раздел византийской культуры, как литература, оказался вне их внимания. Что же касается литературы мусульманских государств, то она представлена одним названием — «Сказки 1001 ночи» и тремя именами — Джахииза (имя передано вопреки правилам транскрипции арабских слов, см. таблицу, с. 135 — Dschakis!), Абу-л-Ала ал-Маарри и Омар Хайама (с. 115).

Непонятно также, почему авторы упоминают византийских императоров и халифов лишь от случая к случаю. Так, сказав о захвате арабами восточных провинций империи в 40-х годах VII в. и об осаде Константинополя мусульманским флотом (674—678), они не отмечают, что события эти произошли в пар-

ствования Константина II (641—668) и Константина V (668—685). В результате у читателя может создаться ошибочное мнение о том, что события произошли во время правления одного какого-либо императора.

Отметим еще некоторые мелкие недочеты (в порядке нумерации страниц). С. 32—33: при характеристике особенностей византийской общины не объяснено, кто такие парики, и ни слова не сказано о протимесисе и налогах — синове и капниконе. С. 46: царство Ляхмидов не возникало в Неджде, это племя пришло туда из западного Хадрамаута. С. 48: не объяснено, кто такие ханифиты. С. 64: не назван основатель кордовского эмирата Абд ар-Рахман I.

Наконец, ссылаясь на источники (которые берутся ими из Хрестоматии по истории средних веков под ред. С. Д. Сказкина)², Моор и Вааде небрежно относятся к пагинации (с. 34, примеч. 11 — написано: см. «с. 354», надо: «355»), опускают квадратные скобки, имеющиеся в русском тексте (с. 36, стк. сверху 11, 16 и т. д.), неправильно передают термины (с. 35 — слово «мистин» не транслитерировано, а переведено: Mietlinge).

Что касается списка рекомендованной литературы, то, несмотря на его достаточную полноту с точки зрения учебного пособия, в нем тем не менее отсутствует указание на специальную справочную литературу и на научные журналы как по византиноведению, так и по арабистике. Что же касается советской научной литературы, приведенной в списке (приятно отметить, что советские исследования составляют примерно половину всех указанных там работ), то в ней отсутствуют имена таких ученых, как В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, Ф. И. Успенский, М. Я. Сюзюмов, Е. Э. Липшиц, Г. Г. Литаврин и др., внесших значительный вклад в исследование социально-экономической, политической и культурной истории Византии и халифата.

Н. И. Сериков

² Хрестоматия по истории средних веков в трех томах / Под ред. акад. С. Д. Сказкина. М., 1961. Т. 1. Раннее средневековье.

Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. / Hrsg. von L. Burgmann (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte / Hrsg. von D. Simon, Bd. 10). Frankfurt am Main, 1983, XVII+282 S.

Перед нами — давно ожидаемое критическое издание «Эклоги» императоров исаврийской династии Льва III и Константина V, юридического памятника, сыгравшего выдающуюся роль в истории не только византийского права, но и права других, в частности славянских, народов. Перед издателем стояла трудная задача — разобраться в весьма сложной и запутанной рукописной судьбе памятника. Ознакомление с предосланным изданию исследованием (а оно за-

нимает более половины всего объема книги) показывает, что издателем вполне удалось справиться с этой задачей: проделана огромная работа по сличению 93 рукописей, содержащих текст памятника целиком, в его «нормальной» редакции (14 рукописей), или в различного рода переработках (из них наиболее известны частные переработки, так называемые *Ecloga aucta*, *Ecloga privata*, *Ecloga privata aucta*, *Ecloga ad Prochiron mutata*¹ и др.) и многочисленных

¹ Бургман не считает вполне корректными эти обозначения, данные переработкам Эклоги Цахариз фон Лингенталем, но «из практических соображений» продолжает пользоваться ими.

экспертах, часто использовавшихся при создании других юридических сборников и компиляций (Прохирон, Эпананога, *Epitome Marciana*, *Hexabiblos aucta*, *Prochiron auctus* «калaбрийская» версия Прохирона и др.).

К сожалению, издатель не смог еще указать на эксперты из Эклоги, интерполированные в состав некоторых списков Земледельческого закона², но зато он широко привлек для своего исследования иноязычные версии памятника (Закон Судный людем и славянскую Эклогу). Таблицы конкорданса и stemмы, составленные издателем, дают ясное представление о взаимоотношении всех этих текстов. Приводятся исчерпывающие сведения об изданиях памятника (правильно указывается на то, что по-настоящему в качестве *editio princeps* может рассматриваться лишь издание Цахарие 1852 г., так как издания Леуноклавия в XVI в. и самого Цахарие в 1837 г. были фрагментарными), о его переводах на латинский, английский, французский, болгарский и русский (Е. Э. Липшиц) языки. Особенно ценным в этой части представляется то, что всякий раз скрупулезно выявляется рукописная основа изданий.

Исследование рукописной традиции показало, что основная масса рукописей, содержащих текст памятника, датируется XIV—XV вв. (по распространенности в это время Эклога уступает из крупных компиляций только Прохирону), что самые ранние дошедшие до нас списки Эклоги происходят от XI в. и, таким образом, отделены от времени ее возникновения лакуной около 300 лет. Последнее обстоятельство обусловило пессимизм издателя в отношении возраста того или иного списка как критерия его ценности для установления текста памятника (с. 27—28), а также в отношении «контекста» Эклоги, т. е. конвоя, который сопровождает текст памятника, и других кодикологических данных. Отсюда — «минимум кодикологии и палеографии» при описании рукописей, равнодушие к вопросам их происхождения, ориентация на датировки рукописей, содержащиеся в каталогах и порой устаревшие (например, датировка Рокки рукописи *Cryptoferr. Zv VII XIV—XV* вв., в то время как она датируется Кавалло XIII в.; датировка арх. Владимиром рукописи ГИМ, Греч. 322 XV в., в то время как она датируется Б. Л. Фонкичем первой четвертью XIV в.).

Этот своеобразный «филологический формализм» сказался в какой-то мере и в подготовке текста памятника и критического аппарата. Воспроизводится в ка-

честве основного текст «нормальной редакции», мало чем отличающийся от изданного Цахарие фон Лингенталем, лишь с несколько измененным членением его на главы (в соответствии с предпосланным ему детальным пинаксом), без обращения к какому-то конкретному списку³; критический аппарат подается в упрощенном и сокращенном варианте, т. е. разночтения приводятся далеко не полностью (иначе, по словам издателя, на каждую строку печатного текста пришлось бы в среднем около 20 вариантов — см. с. 148, примеч. 1), но очень выборочно, за счет отказа от явно ошибочных, проистекающих от неустойчивости орфографии или содержащихся в иных редакциях-переработках чтений; отклонения других, более ранних изданий фиксируются только в том случае, если они носят характер достойных, по мнению издателя, упоминания конъектур (исключение, впрочем, составляет издание Леуноклавия 1576 г., которое рассматривается как *codicis instar*); не отражены в критическом аппарате интерполяции, перестановки различных частей текста, особенности в рубриках, в нумерации глав и титулов, но все это отмечено в соответствующих местах исследовательской части; издание лишено комментария и ограничивается постраничным, расположенным между основным текстом и критическим аппаратом указателем источников и параллельных мест (те параллельные места из *Ecloga aucta*, которые имеют особое значение для критики и интерпретации текста Эклоги, даются полностью). Издание снабжено параллельным немецким переводом, общим указателем юридических источников и указателем слов, в который включена вся основная лексика памятника (особо выделены имена и латинские слова в их греческой транскрипции).

В исследовательской части издателем поставлены многие вопросы, связанные с происхождением и характером памятника, в частности вопрос об историко-правовой ситуации в Византии после Юстиниана и в период возникновения Эклоги; о составе комиссии по подготовке сборника (обращает на себя внимание убедительная идентификация «прочих богобоязненных мужей», о которых говорится в преамбуле Эклоги, со «схоластиками», т. е. с основными кадрами специиалистами, привлеченными к работе); об источниках Эклоги (по преимуществу Юстинианово законодательство, свободно и в достаточной мере самостоятельно использованное через посредство его грекоязычных обработок) — прямое обращение к латинским текстам

² Византийский Земледельческий закон / Под ред. И. М. Медведева. Л., 1984 (см. раздел «Интерполяции»).

³ Текст конструируется на основании всех 14 списков, содержащих «нормальную» редакцию, причем в том случае, если и в них имеются разночтения, отдается предпочтение тем из них, которые «шире представлены» в этих списках. Разумеется, издатель прав, отказавшись от попыток улучшить текст за счет чтений, содержащихся в переработках Эклоги, особенно в *Ecloga aucta* и *Ecloga privata aucta* (с. 146).

считается «в высшей степени невероятным». Не склонен Бургман и переоценивать роль «народных», «эллинистических» или «обычноправовых» воззрений; новшества же и провозглашенные законодателями «исправление в сторону большего человеколюбия» он связывает прежде всего с 17-м пенальным титулом Эклоги, где членовредительские наказания, как правило, заменили собою смертную казнь; о структуре памятника (подчеркивается его оригинальность и самостоятельность, обусловленные отсутствием подходящего образца: из нужды, таким образом, компиляторы сделали добродетель); о языке и стиле (отмечаются простота и лаконичность, отсутствие риторического декора, цитаты из Библии, печать латинской терминологии, усвоенной творцами Эклоги из источников, которыми они пользовались); о связи Эклоги с другими памятниками византийского права, прежде всего с ее собственным, составленным «частной рукой» Приложением, а также с четырьмя «законами» (Военным, Земледельческим, Морским, Моисеевым), в сочетании с которыми она образовала своеобразный «Корпус» светского византийского права, который часто воспроизводился и был в распоряжении юристов и судей в VIII—IX вв., вплоть до появления македонского законодательства (с. 22); о судьбах Эклоги (убедительно показано, что, несмотря на официально провозглашенные осуждение Эклоги и возврат к Юстинианову законодательству императорами Македонской династии, Эклога никогда не была полностью отменена и продолжала оказывать большое влияние на правовую жизнь Византии, что и сами македонцы были многим обязаны Эклоге, а их Прохироны при ближайшем рассмотрении оказывается в известной мере подражанием Эклоге).

Особо следует остановиться на проблеме датировки Эклоги. Констатируя сложность и запутанность проблемы, которую, «к сожалению, не смогло разом решить и отныне полное обзрение рукописной традиции» (с. 12), Бургман из двух дискутируемых дат промюльгации Эклоги (726 и 741 гг.) решает тем не менее признать вторую (март 741 г.), будучи, по-видимому, вполне убежден теми доводами, которые в последнее время выдвинул в пользу этой датировки австрийский ученый О. Крестен⁴. Что же удалось доказать Крестену и что, на мой взгляд, ему доказать не удалось? Вполне убедительно он передатировал изданную ранее Цахариэ фон Лингенталем и приписываемую Льву IV Новеллу о брачном праве (речь идет

о Coll. 1.26) временем правления Льва V (819—820) и тем самым действительно упразднил один из аргументов, почти с необходимостью диктовавших раннюю, т. е. 726 г., датировку Эклоги (упомянутая Новелла служит *terminus ante quem* для промюльгации Эклоги). Вслед за Д. Зимонем он показал беспочвенность «открытия» Д. Гиниса, ошибочно использовавшего информацию новонайденной рукописи из Заворды (Cod. 121) для датировки Эклоги, в то время как она относилась к Новелле Coll. 1.26. Остроумной представляется догадка Крестена о том, что содержащаяся в некоторых списках Эклоги дата 6234 (=726 г.) — это не очень удачная попытка (византийских писцов) вычислить 741 год по александрийскому летоисчислению (таким образом, разницей в рукописных датировках резко сужается).

Но ему не удалось, мне кажется, снять фундаментальное противоречие между месяцем и индиктом («март, 9 индикт»), с одной стороны, и годом — с другой: ведь 741 году или, точнее, первым его восьмью месяцам, на которые приходится 9 индикт, соответствует год от сотворения мира 6249, вообще не засвидетельствованный рукописями, а не 6248 или 6247, которые в рукописях указаны⁵. Как отмечал В. Г. Васильевский, общим правилом в подобных случаях являлось то, что индикту отдавалось предпочтение перед обозначением года от сотворения мира: счет по индиктам был общепринятым во всякого рода официальных документах. Возможно, что Эклога вообще «первоначально появилась с обозначением одного индикта (и месяца), и только впоследствии переписчики стали прибавлять, по соображению, год от сотворения мира и, как это весьма часто случалось, впадали в ошибки»⁶.

Не удалось Крестену, мне кажется, также объяснить, почему в Эклоге, изданной, по его мнению, в разгар иконоборческого движения, начисто отсутствуют антимонашеские и антимонашеские мотивы. Напротив, в титуле VII, например, отчетливо просматривается тенденция сохранить и даже расширить традиционные права церкви и монастырей, что, по мнению Е. Э. Липшиц, «свидетельствует о возникновении комментируемого законоположения, а следовательно, и Эклоги в целом в период, предшествовавший началу политики борьбы императоров Льва III и Константина V против засилья и могущества церковно-монашеского землевладения. Таким образом, рассматриваемый титул содержит косвенные указания в

⁴ *Kresten O. Datierungsprobleme «isaurischer» Eherechtsnovellen: I. Coll. 1.26. — Fontes iMnores, 1981, IV, S. 37—106* (объявлена и вторая, пока не опубликованная часть исследования, в которой развиваются высказанные автором положения).

⁵ Ср.: *Васильевский В. Г. Труды. JL, 1930, т. 4, с. 158*. См. также хронологические таблицы, составленные Грюмелем: *Grumel V. La chronologie. P., 1958, p. 274*.

⁶ *Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 163*. Кстати, тот перечень датировок, который приводит Крестен, только подтверждает предположение Васильевского. См.: *Kresten O. Op. cit., S. 59—68*.

пользу ранней датировки Эклоги»⁷. Не очень убеждает и ссылка на то, что в протоколе Эклоги *Invocatio Christi* заменено на тринитарную invocatio, а из инициализации исчезли слова *ἐν Χριστῳ*. Нельзя забывать о лакуне почти в 300 лет, которая отделяет первые дошедшие до нас рукописи от времени возникновения Эклоги (любопытно, что Бургмана покидает здесь его обычный пессимизм в отношении состояния рукописной традиции и он готов принять аргумент Крестена): все это могло быть результатом более поздних «эмендаций», в том числе и самих исаврийцев. Да и признак ли это иконоборчества? Ведь тринитарная invocatio в императорских документах встречается еще в начале VIII в., а в папирусах — со времен Маврикия (582—602)⁸.

Наконец, еще один вопрос, оставшийся необъясненным: зачем понадобилось Льву III на исходе своего царствования издавать официальный свод, преамбула которого к тому же составлена в выражениях, как будто не совсем идущих к государю, уже 25 лет проведенному на

престоле? Напротив, по убедительному мнению В. Г. Васильевского, «если допустить, что Эклога, носящая имена Льва и Константина, была издана в десятый год правления первого, по истечении шести лет после коронования второго, то нам будут представляться совершенно естественными и указания на благие намерения, принятые в начале царствования, и надежда на успехи в борьбе с внешними врагами, еще имеющие только последовать в будущем»⁹. Но, может быть, ответы на все эти вопросы уже даны во второй части исследования Крестена? Посмотрим! Но пока что считать проблему датировки Эклоги окончательно решенной не представляется возможным. Как бы то ни было, оценивая рецензируемую работу в целом, следует сказать, что в руки исследователей поступило добротное критическое издание одного из важнейших историко-правовых памятников Византии, надежный «инструмент работы», к тому же — что немаловажно! — в прекрасном полиграфическом исполнении.

И. П. Медведев

⁷ Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965, с. 127.

⁸ *Simon D. Ein späbyzantinisches Kaufformular.* — In: *Flores legum.* H. J. Scheltema *antecessori groningano obliti.* Groningen, 1971, S. 160.

⁹ *Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. 163—164.

Источники и исследования по истории Генуи и Генуэзской Романии: *Collana Storica di Fonti e Studi / Diretta da Geo Pistorino (Istituto di Medievistica dell'Università di Genova).* Genova, 1969—1983. Vol. 1—39.

Немного серийных изданий, имеющих большое значение для византиноведения, вносит столь значительный новый материал, почерпнутый из архивов, и выходит с такой завидной регулярностью, как «Историческая серия источников и исследований», издаваемая Институтом медиевистики Генуэзского университета под общей редакцией его директора, видного итальянского ученого профессора Джео Пистарино¹. Хотя отдельные тома этой серии рецензировались, анализ совокупности публикаций не предпринимался. Учитывая, что изу-

чение истории поздней Византии на современном этапе невозможно без исследования проблем Латинской Романии, итальянской торгово-предпринимательской деятельности на Леванте, истории генуэзских факторий на территории Греции, Малой Азии и Крыма, мы попытались кратко охарактеризовать все выпуски серии, имеющие непосредственное отношение к указанным вопросам, исключив из обзора лишь труды, посвященные внутренней истории Лигурии и связям Генуи с Западным Средиземноморьем. Из 39 томов серии² мы рассматриваем 22.

¹ Институт медиевистики был создан по инициативе Джео Пистарино 1 июля 1963 г. и до 1 ноября 1982 г. назывался Институтом палеографии и средневековой истории. В 1982 г. он был переименован в Институт медиевистики в связи с расширением проблематики исследований и издательской деятельности.

² 1) *Miscellanea di Studi Storici I.* Genova, 1969; 2) *Balbi G. L'epistolario di Iacopo Bracelli,* 1969; 3) *Airaldi G. Le carte di Santa Maria delle Vigne di Genova* (1103—1392), 1969; 4) *Surdich F. Genova e Venezia fra Tre e Quattrocento,* 1970; 5) *Calura Cecchetti R., Luschi G., Zunino S. Genova e Spagna nel XIV secolo.* Il «*Drietus Catalanorum*» (1386, 1392—1393), 1970; 6) *Zunino S., Dassori N. Genova e Spagna nel XV secolo.* Il «*Drietus Catalanorum*» (1421, 1453, 1454), 1970; 7) *Zaccaro A. Il cartulario di Benedetto da Fosdinovo* (1340—1341), 1970; 8) *Balletto L. Statuta antiquissima Saone* (1345), vol. 1, 1971; 9) *Idem,* vol. 2, 1971; 10) *Cerisola M. Gli statuti di Celle Ligure* (1414), 1971; 11) *Gioffré D. Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV,* 1971; 12) *Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo* (1360—1361), 1971; 13) *Roberto di Clari. La conquista di Costantinopoli* (1198—1216) / Studio critico, traduz. e note da A. M. Nada Patrone, 1972; 14) *Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV),* 1973; 15) *Balletto M. L. Navi e navigazione a Genova nel Quattrocento. La «Cabella marinariorum»* (1482—1491), 1973; 16) *Buongiorno M. Il bilancio di uno Stato medievale.* Genova, 1340—1529, 1973; 17) *Forcheri G. Navi e navigazione a Genova nel Trecento.* Il «*Liber Gazarie*», 1974;